М. Л. МАЙОФИС

Майофис Мария Львовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований
ШАГИ РАНХиГС;
доцент, Институт общественных наук РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mmaiofis@yandex.ru

«В ПОМОЩЬ РЕШЕНИЯМ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ»: О РОЖДЕНИИ «ОТТЕПЕЛЬНОЙ» *ОБЩЕСТВЕННОСТИ* ИЗ ДУХА 1939 ГОДА[1]

Аннотация. Статья представляет собой опыт в жанре микроисторического исследования. Анализируя документы из личного архива педагога, общественного деятеля и военного эксперта Бориса Ивановича Журина (1890–1964), автор демонстрирует, что 1939 год был важным рубежом в его карьере. Именно в этом году Журин сменил «скромную» профессию инженера-строителя, специалиста по бетонным конструкциям, на профессию военного эксперта, социального активиста и публициста. Как военный эксперт Журин работал в 1939–1940 гг. над монографией, посвященной взаимодействию различных родов войск (включая авиаразведку и артиллерию) при наступлении русской армии в июне 1917 г. Он был убежден в том, что этот опыт необходимо усвоить перед началом новой войны. Как социальный активист и публицист, Журин придумал, описал и начал продвигать идею нового социального института — так называемых родительских комитетов в домах, настаивая на том, что именно эти комитеты являются наилучшим инструментом контроля над семейным воспитанием. Модель этого социального института также была основана на идее взаимодействия, поскольку родительские комитеты в домах должны были установить тесные отношения и информационный обмен

[1] Статья подготовлена в рамках работы над научно-исследовательским проектом ШАГИ 2015 года «Стратегии институционального строительства в послесталинском СССР (образование, наука, культура)».

© М. Л. МАЙОФИС

с райисполкомами, местными ячейками ВЛКСМ, администрацией и родительскими комитетами школ, наконец, с жилищными конторами самих домов. Тщательное рассмотрение документов архива Журина и его публикаций, а также реконструкция исторического контекста 1939 г. и периода «оттепели» приводят автора к выводу о том, что Журин воспринимал советское общество, пережившее Большой террор, как атомизированное, деморализованное низкой компетенцией новых армейских начальников и государственных чиновников, лишенное каналов передачи знаний и опыта. И в 1939-м, и в последующие годы своей профессиональной и общественной деятельности Журин старался восстановить и интенсифицировать горизонтальные социальные связи.

Ключевые слова: 1939, Большой террор, общественность, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, социальный контроль, государственный контроль, социальное взаимодействие, организации родителей

1

Эта работа представляет собой опыт в жанре микроистории. Задачей микроисторического исследования является разработка такого типа познания, который благодаря интересу к «малым жизненным мирам» дает возможность проникновения в «неисследованные области социальной истории» [Medick 1994; Медик 1994]. Герой моего повествования по уровню образования и социальным амбициям, конечно, ближе не к самоучке-мельнику, ставшему объектом дознания в инквизиционном процессе [Гинзбург 2000], но к невшательскому виноделу, поступившему на службу в Ост-Индскую компанию, а затем издавшему несколько брошюр о перспективах колониальной политики [Гинзбург 2004]. Мой рассказ будет посвящен весьма плодовитому автору, человеку с масштабными социальными амбициями, которые ему, по крайней мере отчасти, удалось реализовать. Опережая события, упомяну о том, что переломным и ключевым в его писательской и общественной биографии, в осмыслении им собственного профессионального пути стал 1939 год: именно это обстоятельство и заставило меня предложить свою статью для этой тематической подборки.

Борис Иванович Журин (1890–1964), чей личный архив мне случайно удалось обнаружить в фондах Государственного архива Российской Федерации[2], фигурирует в путеводителях и описях как «педагог-общественник». Эта дефиниция верна, но лишь отчасти: с одной стороны, она описывает большую часть документов этого личного архива (составляющего более 600 единиц хранения!), сданного в ГАРФ вдовой в 1966 г., с другой — явным образом соотносит профессиональную деятельность Журина с по-

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 421.

следней его аффилиацией: в 1961–1964 гг. он был заместителем руководителя секции родительской общественности Центрального совета Педагогического общества РСФСР. Однако за предшествующие поступлению на службу в Педагогическое общество полстолетия Журин успел прожить столь интенсивную и разнообразную в профессиональном отношении жизнь, что одного этого определения было бы явно недостаточно.

Выпускник коммерческого училища Общества распространения коммерческих знаний (1908), студент юридического факультета Московского университета (1909–1912, 1919–1921), учащийся школы прапорщиков (1912–1914), участник Первой мировой войны (1914–1918), перешедший, если верить его анкетам и автобиографиям, в 1918 г. на службу в Красную армию, штатный преподаватель школы связи РККА (1920–1922). В 1922 г. Журин оставляет военную службу и вступает на профессиональную стезю, ранее проложенную учебой в коммерческом училище и МГУ: в течение 1920-х и почти всех 1930-х годов он работает на разных управленческих должностях в организациях, занимающихся торговлей и строительством [Черновик автобиографии 1940][3]. Его публикации этого периода преимущественно посвящены вопросам техники строительства из бетона [Журин 1927; Журин б. д.].

Однако в 1939–1940 гг. Журин совершает крутой профессиональный поворот: в июле 1939 г. по заданию Академии им. Фрунзе он принимается за работу над книгой по истории Первой мировой войны [Черновик автобиографии 1940] и вновь поступает на военную службу [Материалы о выходе на пенсию 1955: Л. 8], которую не оставляет уже вплоть до выхода на пенсию в 1957 г.[4]

Тем не менее сам Журин наверняка согласился бы с именованием его «педагогом-общественником». Оба слова, входящие в это определение, были ему и дороги, и близки. Журин несомненно считал себя педагогом. В своей административно-строительной деятельности он стремился к тому,

[3] В 1922–1923 гг. — зав. отделом сбыта Москустпрома, в 1923–1924 гг. — зав. отделом договоров и организации производства Мосгубстройсоюза, в 1924 г. — член правления Мосстройдома, в 1924–1934 гг. — член правления, зам. председателя, директор-распорядитель и член Главного правления Техбетона, в 1935 г. — помощник главного инженера Моспромпроекта, в 1936–1940 гг. — помощник главного инженера по организации строительного производства в Стройэлектро, Строймеханизации и Научно-исследовательской лаборатории по электрификации и строительству Наркомстроя СССР [Черновик автобиографии 1940]. Параллельно Журин в 1932–1935 гг. преподавал в Строительном курсовом институте Наркомата тяжелой промышленности СССР и в Московском строительном институте [Перечень работ 1958].

[4] Военная биография Журина 1939–1957 гг. включает работу в Академии им. Дзержинского, службу во время Великой Отечественной войны последовательно в должностях помощника начальника штаба артиллерийского механического корпуса, старшего помощника и начальника артиллерийского отдела штаба 16-й армии, старшего помощника начальника оперативного отдела Западного фронта и 3-го Прибалтийского фронта, а в самом конце войны — в отделе боевого применения артиллерийских стрелково-тактических курсов. В 1945–1953 гг. Журин был преподавателем Высшей офицерской артиллерийской штабной школы, а в 1953–1957 гг. — сотрудником научно-исторического отдела Артиллерийского исторического музея в Ленинграде [Активное творчество 1957].

чтобы передать коллегам знания о новых технологиях в профессии, отсюда и преподавание в институтах, и несколько учебных пособий о свойствах бетона. Его работа в статусе военного эксперта и военного историка отмечена постоянным стремлением к передаче знаний и опыта (об этом пойдет речь ниже), наконец, сама его общественная активность с конца 1930-х была сосредоточена на проблемах воспитания и детей, и родителей.

Но и вторая часть определения — «общественник» — также была неотъемлемой частью самоидентификации нашего героя. Свой социальный активизм, включая членство в Педагогическом обществе, он осмыслял именно в рамках концепта «советской общественности». О том, как Журин представлял себе социальную миссию советской общественности, еще будет сказано, но в этой, вступительной, части нужно вернуться к моему исходному тезису: поворотным моментом в общественной деятельности Журина (как и в его профессиональной биографии) оказался 1939 год.

Осенью 1939 г. Б. И. Журин пишет и готовит к изданию рукопись книги под названием «Родительская общественность в домах». Ее основной тезис сводится к тому, что для обеспечения наилучшей успеваемости детей и для поддержания общественного порядка следует создавать родительские комитеты при домах и домоуправлениях, т. е. по месту жительства детей, а не по месту их учебы. В обязанности такого родительского комитета должно входить наблюдение за воспитанием детей в семьях, а также организация для них особого социального пространства — клуба или уголка самодеятельности, где дети могли бы готовить домашние задания, играть и заниматься в кружках.

За этой небольшой книгой стоит твердая убежденность автора в неспособности многих семей справиться с воспитанием собственных детей и неспособности школы исправить эту ситуацию:

> Виновниками «плохих» ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье.
> Нет плохих ребят — есть плохие воспитатели.
> Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. ‹…›
> Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей.
> Эти задачи не под силу поднимать одной школе.
> В этом деле нужна помощь широкой общественности [Родительская общественность 1939: Л. 5][5].

Вероятно, идея внешкольной системы контроля над семейным воспитанием была подсказана Журину его опытом работы в школьных родительских комитетах, в которых он, будучи отцом двух дочерей-школьниц,

[5] Здесь и далее тексты из архива Б. И. Журина приводятся с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации. Случайные опечатки, описки, пропуски букв исправляются без специальных пояснений.

состоял предыдущие несколько лет. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что на должности председателя родительского комитета Журин пытался проводить очень жесткую политику, включавшую постоянное «оглашение» на родительских собраниях имен двоечников, прогульщиков и нарушителей дисциплины, «прикрепление озорников к родителям отличников», «установление связи с месткомами и завкомами мест службы родителей и обязательное извещение мест службы родителей в случае буйного поведения и пьянства родителей и деморализации детей родителями», «организацию показательных судов над родителями, разлагающими своих ребят», и т. д. [Перечень мероприятий 1937: 4].

Можно предположить, что предложенные Журины в 1936/1937 учебных годах меры или не были приняты, или оказались малоэффективными. В рукописи 1939 г. он с горечью констатирует, что советская школа «не всегда легко справляется с делом воспитания ребят» даже в своих стенах, а в остальное время дети оказываются и вовсе вне сферы ее досягаемости (Журин использует популярное еще с 1920-х годов слово «безнадзорный»):

> Две трети времени ребята остаются под надзором своих родителей. А иногда вместо родителей различных «соседок», «бабушек» и др. случайных воспитателей, или полностью предоставленными самим себе, подвергаясь влиянию различных компаний во дворах и на улице [Родительская общественность 1939: Л. 6].

Тогда Журин изобретает альтернативный социальный институт воспитания и контроля: «Громадные жилые дома г. Москвы, где иногда живет 100–200 и более ребят, являются такой же “школой”, значащей иногда даже больше в воспитании ребят, чем та настоящая школа, в которой ребята пребывают всего лишь 4–6 часов» [Там же: Л. 8], а значит, при этих домах нужно организовать «комитеты родителей», в которые будут входить также и «взрослые ребята — комсомольцы». Этим комитетам или выполняющим те же функции культкомиссиям, уже существующим при многих домах, и будут доверены функции контроля над воспитанием детей, воспитания родителей, не умеющих воспитывать своих детей, и, наконец, организация детского досуга.

В основу своего институционального проекта Журин кладет идею полной проницаемости частной (в том числе и семейной) жизни человека для внешних наблюдателей: прежде всего уполномоченных от государства и той самой «общественности», которую он пытается создать с помощью придуманных им новых социальных институтов. Рассказав несколько историй о том, как в одних семьях родители нещадно бьют своих детей, в других — не обращают внимания на их хулиганское поведение, а в третьих — беспросветно пьют, Журин предлагает считать эти родительские девиации таким же серьезным проступком перед государством и обществом, как и служебные и должностные преступления:

> Почему каждый из нас подконтролен и отчитывается ежедневно, ежемесячно и ежегодно в своей работе на службе и почему он ни перед кем и никогда не отчитывается в своем отношении к детям и своем поведении в семье? [Родительская общественность 1939: Л. 12].

2

Журинская идея родительских комитетов в домах, равно как и предшествующие его предложения об организации показательных судов над нерадивыми родителями на первый взгляд представляют собой образцовые иллюстрации к концепции «светской реформации» советского периода, предложенной Олегом Хархординым в его знаменитой книге «Обличать и лицемерить» [Хархордин 2002]: налицо горизонтальный контроль коллектива над отдельной личностью, опубличивание частной жизни… Однако проект Журина изменял значение, которое было принято вкладывать в слово «общественность» во второй половине 1930-х годов. Более того, он подразумевал ориентацию на несколько иную модель общественных взаимоотношений по сравнению с той, что была тогда принята «по умолчанию» в советской пропаганде и публичной риторике.

Историю понятия *общественность* и его социальные значения исследовал Вадим Волков [Волков 1997]. Он показывает, что это понятие в России приобрело несколько уникальных смыслов. Первоначально его ввел Александр Радищев, который подразумевал под ним общественное мнение; его современник Николай Карамзин называл *общественностью* особое качество социальной солидарности. В 1840–1850-е годы *общественностью* называли общественное мнение или, чаще, строй отношений, характерных для конкретного общества [Малинова 2012]. Однако постепенно это слово начинает обозначать не принцип или институт, но отдельную, претендующую на автономию общественную группу — складывавшуюся тогда интеллигенцию. «…К началу XX века “общественность” ‹…› стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших общественные обязанности или работавших на общие интересы» [Волков 1997]. Тогда же это слово стало восприниматься как антоним индивидуализма [Малинова 2012].

После утверждения советско-большевистской власти слово *общественность* в СССР претерпело еще одну метаморфозу: в 1920-е годы оно стало обозначать не критически настроенные, но напротив, л о я л ь н ы е — и, более того, сознательно, по убеждению лояльные социальные группы. Наиболее удачное определение лояльности, на наш взгляд, дано в работе Алексея Левинсона: «…когда я пользуюсь словом “лояльность”, я имею в виду отношения между неким социальным субъектом, который является предметом разговора, и каким-либо институтом, нормам которого этот субъект по тем или иным причинам намеревается следовать» [Левинсон 2015]. Иначе говоря, *общественностью* стали называть группы, которые следовали нормам советских институтов и поддерживали их не из конфор-

мизма или нежелания «выпасть» из общества, но потому, что считали это необходимым. Некоторые авторы 1920-х годов, например Н. К. Крупская, предполагали, что в будущем так понимаемая «общественность» постепенно заменит государство [Крупская 1930: 22].

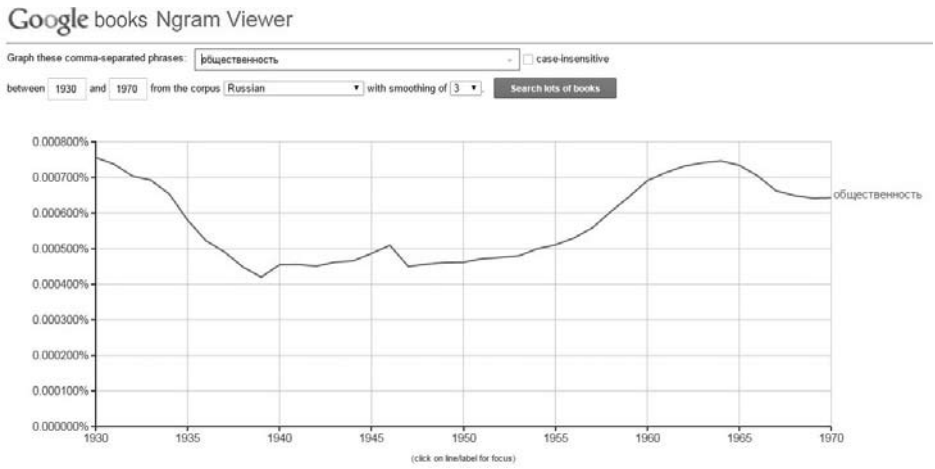
В эмигрантской прессе эту новую группу считали результатом сознательного политического конструирования со стороны большевиков, которые в то же время «душили и душат» «народную общественность» — с точки зрения авторов-эмигрантов, «настоящую» [Эфэс 1927]. Впрочем, рефлексы старого, дореволюционного употребления термина могли сохраняться даже у сотрудников ОГПУ, которые с некоторым уважением писали о возрождении в СССР — разумеется, в подполье — «сионистско-социалистической общественности», которую сами же и преследовали [Обзор 1927][6].

В 1930-е годы значение слова *общественность* было снова изменено и искусственно сужено. В 1936 г. было создано движение «жен-общественниц» [Buckley 1996], в которое власти стремились вовлечь максимальное количество жен инженерно-технических сотрудников; по инициативе Г. К. Орджоникидзе, курировавшего новое движение, в СССР начал выходить журнал «Общественница». Согласно редакционной статье, журнал «должен [был] дать возможность каждой жене стать общественницей, найти свое достойное место в строительстве социализма. Работа жен многогранна, разнообразна, творчески инициативна, требует много культуры и четкости, а главное — умения эту культуру передать, пропагандировать» [От редакции 1936]. В Обращении Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности ко всем женам хозяйственников и инженерно-технических работников СССР провозглашалось:

> Вчера еще только домашние хозяйки, вся жизнь которых проходила в кругу узких семейных забот, стали сегодня участниками великого сталинского дела. У нас еще мало опыта, но каждая из нас уже нашла свое — пусть маленькое — место в общей работе. Одни из нас взялись за ясли, школы, помогают детям лучше учиться и отдыхать; другие пошли в заводские столовые, клубы, буфеты, рабочие общежития, навели чистоту в рабочих поселках, на площадках заводов, организовали кружки стрелкового дела, спорта, иностранных языков и т. д. Все мы горим желанием сделать жизнь трудящихся нашей страны еще более радостной, еще более прекрасной [Обращение 1936].

Это переформатирование имело очень большое значение. С 1936 г. слово *общественность*, почти выпавшее из употребления (см. ил. 1), стало указывать на связь семейной жизни и семейных интересов с участием в государственной социальной политике.

[6] Другие трактовки этого слова, например «социальность», были уделом истребляемой политической оппозиции. Так, в одной из рукописных статей сторонников Троцкого, сидевших в советской тюрьме, замечалось: «…выступление в защиту деловой проработки [экономических] планов вызывает гикания и легкомысленные обвинения и заподазривание в уклонах, ставящих обвиняемых вне закона элементарной общественности» [С партией 1932].

Ил. 1. График употребления слова *общественность* в публикациях на русском языке в 1930–1970 гг. , составленный с помощью программы Google Ngram

В середине 1950-х годов слово *общественность* было реактуализировано. Значительная часть институтов, созданных в эпоху «оттепели», подразумевала участие именно «общественности», под которой вновь, как в 1920-е годы, понимались уже не жены инженерно-технических работников, а политически мобилизованные группы населения в целом (как сказали бы в XIX в., обоего пола). Как точно отмечает Вадим Волков, начало процесса десталинизации и заявленные Хрущевым на XX–XXII съездах КПСС перспективы быстрого построения коммунизма привели к тому, что «общественность» «стали ассоциировать с переходом от государственного управления к общественному самоуправлению и от государственной охраны общественного порядка к общественной — в стиле, напоминающем дебаты конца 20-х годов…» [Волков 1997]. Хрущевская утопия саморегулирующегося общества, которое взяло бы на себя многие функции государства, в том числе и его надзорно-карательных органов, выливалась и в такие одиозные институты, как «дружины охраны общественного порядка» (см. об этом: [Лебина 2015: 402–410])[7], и в менее известные историкам родительские комиссии при профкомах, парткомах и домкомах.

В целом руководство КПСС, и особенно Н. С. Хрущев, предполагали, что «общественность» станет инструментом эмоциональной мобилизации, возмещающим отказ от массовых репрессий. Вот характерный пример газетной риторики хрущевского времени, появившийся в печати за несколько месяцев до снятия генерального секретаря:

[7] Первые добровольные народные дружины появились в СССР в 1955–1957 гг. Законодательно деятельность ДНД была закреплена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка».

> Общественные начала в работе нашего городского Совета приняли небывалый размах. Решать вопросы хозяйственного и культурного строительства, быта и воспитания людей нам помогают тысячи активистов, объединенных в постоянные комиссии, внештатные отделы, советы и комитеты при учреждениях, домоуправлениях и школах. Многие выполняют обязанности инспекторов и инструкторов. ‹…› Внештатный отдел привлек сотни активистов, объединенных в шести советах университетов культуры, двух парков, народной филармонии, клубов выходного дня школьников, девушек, спортивной молодежи и других. На общественных началах (т. е. бесплатно. — *М. М.*) работают два книжных магазина, два киоска, детская музыкальная школа, сорок библиотекарей [Сайкина 1964].

Это «оттепельное» понимание общественности Журин предвосхитил в своих сочинениях 1939 г. Отличия журинской трактовки от парадигмы сталинского времени очень заметны: коллектив у Журина обладает достаточной степенью автономии, и принадлежность к этому коллективу диктуется не местом работы или профессией, не партийностью или идеологической солидарностью, но самим фактом совместного проживания в одном многоквартирном доме и сознательной социально активной позицией (важно, что речь идет именно о социальном, а не идеологическом активизме!).

Фактически придуманные Журиным родительские комитеты в домах представляют собой аналог местных сообществ, local communities — социальных акторов, которые начали играть большую роль в американском образовании с конца XIX — начала XX в. под влиянием идей прогрессистского движения в образовании (progressive education movement) и конкретно работ Джона Дьюи (см., например: [Crick, Tarvin 2012; Morton, Saltmarsh 1997; Savage 2002]). По Журину, для того чтобы деятельность местного родительского комитета была успешной, необходимо, чтобы его члены действительно хотели что-то сделать для детей и были бы готовы тратить на это силы и время, но, кроме того, действовали бы слаженно между собой и в тесном сотрудничестве с жилконторой, райисполкомом, администрацией и родительскими комитетами близлежащих школ. Приводя в подготовленной им к печати книге несколько примеров удачной организации досуга детей в московских многоквартирных домах, Журин комментирует один из своих кейсов следующим образом:

> Почему в Луковом переулке люди сумели так хорошо поставить работу с детьми?
> Потому, что там исключительно хорошо сработались три основные звена: форпост, управдом и родители. Потому, что там люди не ждали, пока кто-то другой займется детьми, а сами за это взялись. Потому, наконец, что там и управдом и родители не только любят детей, но и доказывают эту любовь делом [Родительская общественность 1939: Л. 18].

3

Книга «Родительская общественность в домах» не была голым теоретизированием социального прожектера. Ее созданию предшествовала организационная работа, которую Журин описал в заключительных параграфах: 4 июля 1939 г. он подал записку в Президиум Пролетарского райсовета г. Москвы с предложением об организации «комитетов родителей ‹…› в крупных домах района», а 16 августа 1939 г., за неделю до подписания пакта Молотова–Риббентропа и за две недели до начала Второй мировой войны, пленум Пролетарского райсовета принял соответствующее постановление, легализовавшее деятельность «родительской общественности при домоуправлениях» [Родительская общественность 1939: Л. 20]. К ноябрю Журину удалось пролоббировать и постановление, которое обязывало директоров школ, находящихся на территории Пролетарского района, содействовать созданию домовых родительских комитетов и даже самостоятельно организовывать их совместно с управдомами, а начальникам жилуправлений — ассигновать в 1940 г. соответствующие суммы на работу комитетов [Там же: Л. 22].

В качестве приложения к книге предлагалось опубликовать «План мероприятий Пролетарского райсовета по организации Комитетов родителей в домах для коммунистического воспитания ребят в помощь школе»: тщательно проработанная таблица, в которой самым подробным образом прописывались все организационные шаги — от первого совещания в райсовете (начало августа) до организации детских клубов при уже существующих родительских комитетах на местах (т. е. в домах). Наибольшее внимание в этом плане уделялось взаимодействию государственных учреждений, органов управления и общественных организаций; способам извещения одних о решениях и деятельности других, формам контроля над исполнением решений; информированию о ходе работы [Там же: Л. 36–38]. Социально-функциональное многообразие участников было необычным для социальных схем 1930-х годов (упомянем здесь также школьные и районные пионерскую и комсомольскую организации, учителей, домоуправления и жилконторы, артели — арендаторы нежилых помещений дома, на средства которых и должен был бы существовать детский клуб, и т. д.). Однако при условии успешного развития событий взаимодействие этих акторов должно было дать впечатляющий результат.

Весь процесс создания родительских комитетов и детских клубов при них должен был, по плану Журина, занять полтора месяца (в Пролетарском районе — с 1 августа по 15 сентября 1939 г.), каждый из пунктов его плана предусматривал «шаг» не более чем в 5 дней, что, разумеется, потребовало бы от всех участников и исполнителей большой слаженности и расторопности.

Судя по тому, что в книге Журин приводит примеры функционирования уже созданных родительских комитетов и детских клубов, датируя отдельные события октябрем и ноябрем 1939 г., свою книгу он оперативно написал в конце ноября — декабре, преследуя достаточно амбициозную

цель — издание в скорейшем времени «правительственного постановления об организации родительских комитетов в домах с возложением на райсоветы обязанности руководства этим делом» [Там же: Л. 35], т. е. распространения опыта Пролетарского района Москвы на всю страну.

В 1939–1941 гг. Журин развил чрезвычайно активную деятельность по продвижению своего проекта, но на первых порах смог лишь частично добиться успеха — постановление Моссовета о родительских комитетах в домах было принято в марте 1941 г., до общесоюзных регламентаций дело так и не дошло, а его книге пришлось ждать публикации долгих тринадцать лет [Перечень работ 1958: Л. 2, 3].

4

Посмотрев на обширный перечень докладов, выступлений, экспертных заключений, публикаций в периодических изданиях по вопросам воспитания[8], осуществленных Журиным в 1939–1941 гг., можно было бы заключить, что этот проект был для него поистине всепоглощающим. Однако не будем забывать, что он занимался этими вопросами исключительно в часы досуга и без какого-либо материального вознаграждения, ибо основная его работа была далека от проблематики школы и воспитания. В том же июле 1939 г., когда Журин подает записку в президиум Пролетарского райсовета с предложением об организации комитетов родителей при домах, он принимается за большой труд по военной истории по заказу Академии им. Фрунзе. Заглавие этой книги, вышедшей в 1943 г. и защищенной вскоре после этого в качестве кандидатской диссертации, может послужить прекрасным подтверждением действенности фуколдианского понятия эпистемы. Рукопись этой книги называется «Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г.»[9]. Она посвящена истории знаменитого (последнего в продолжение Первой мировой войны) наступления русской армии в июне 1917 г., которым на Юго-Западном фронте, где и воевала 8-я армия, коман-

[8] В списке своих публикаций и экспертных работ 1939–1941 гг. он называет «выступление на 1-й Всероссийской научно-педагогической конференции учителей школ РСФСР по вопросу “О родительских комитетах в домах” (29.12.1939)», «составление докладов и выступление в школьных секциях Сталинского, Красногвардейского и др. районов и [в] школьной секции Моссовета “Об опыте организации родительских комитетов и клубов для детей в домах 1940–1941 гг.”», «Составление проекта положения о родительских комитетах в домах (в комиссии при школьной секции Моссовета)», «проработку доклада и выступление на съезде представителей родительских комитетов в домах, а также организацию выставки работ детских клубов в домах при доме пионеров в Москве, организованных МК ВЛКСМ, Мосгороно и Мосжилуправления 5 марта 1941 г. в Центральном доме пионеров», и мн. др. [Перечень работ 1958: Л. 1–5].

[9] В публикации 1943 г. книга называлась «Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува» [Журин 1943а]. На титульном листе хранящейся в архиве рукописи стоит 1940 г., однако уже упомянутые выше архивные источники однозначно указывают на лето 1939 г. как на время начала работы над книгой.

довал Л. Г. Корнилов (в книге, кстати, ни разу не упомянутый)[10]. Журин принимал участие в этом наступлении в качестве «ближайшего помощника Начальника артиллерии всей основной и ударной группы» [Взаимодействие 1940 (1): Л. 9]. Основная мысль книги заключена уже в ее названии: удача наступления была связана с тесным взаимодействием всех родов войск, участвовавших в операции, а также с результативной артподготовкой, проведенной по результатам авиаразведки и аэрофотосъемки.

Эти выводы Журин экстраполирует и на современную ситуацию:

> Взаимодействие различных родов оружия — главным образом пехоты с артиллерией, кавалерией и авиацией, слаженность в работе штабов и командного состава генерального штаба с теми же родами войск, представляет собой важнейший фактор, влияющий на результаты боевых действий армии. ‹…› Результат боя будет всегда зависеть от того, насколько умело взаимодействуют между собой войска [Там же: Л. 60].

Журин идет еще дальше и настаивает на том, что вопрос взаимодействия войск, по сути центральный и для военной теории, и для военной практики, и уровень его решения является наиболее точным показателем состояния вооруженных сил:

> В вопросе взаимодействия и увязки участвующих в бою отдельных родов войск, как в фокусе концентрируются основы всей идеологии морального состояния научных, технических и материальных достижений и обеспечения данной армии. ‹…› Практическое разрешение вопросов взаимодействия между отдельными родами войск должно быть идеалом, к которому устремляется командование каждой армии [Там же].

Уже по проекту создания родительских комитетов при многоквартирных домах было заметно, насколько много внимания уделяет Журин подготовительному периоду. В случае организации армейского наступления здесь фигурировали прежде всего разведка, надлежащее оформление полученных разведданных и их умелая систематизация, а также постоянное наблюдение за позициями противника, осуществляемое на специально оборудованных для этого пунктах и с аэростата, с обязательной немедленной передачей результатов по телефонной связи [Взаимодействие 1940 (2): Л. 3].

Сложные интеракции родительских комитетов в домах, родительских комитетов в школах, администрации школ, райсоветов, райкомов и школьных комитетов ВЛКСМ, жилконтор и т. д., равно как и взаимодействие родов войск при наступлении Журин изображал с помощью многосостав-

[10] В результате наступления были захвачены свыше 7 000 пленных и 48 орудий (Журин называет другие цифры: 10 000–12 000 пленных и 60 орудий), а также взяты города Станислав, Галич и Калуш. Впрочем результаты наступления не были закреплены: к июлю 1917 г. большая часть русской армии уже отказывалась воевать, и солдаты массово покидали окопы. Вскоре на это наступление германская армия ответила контрударом.

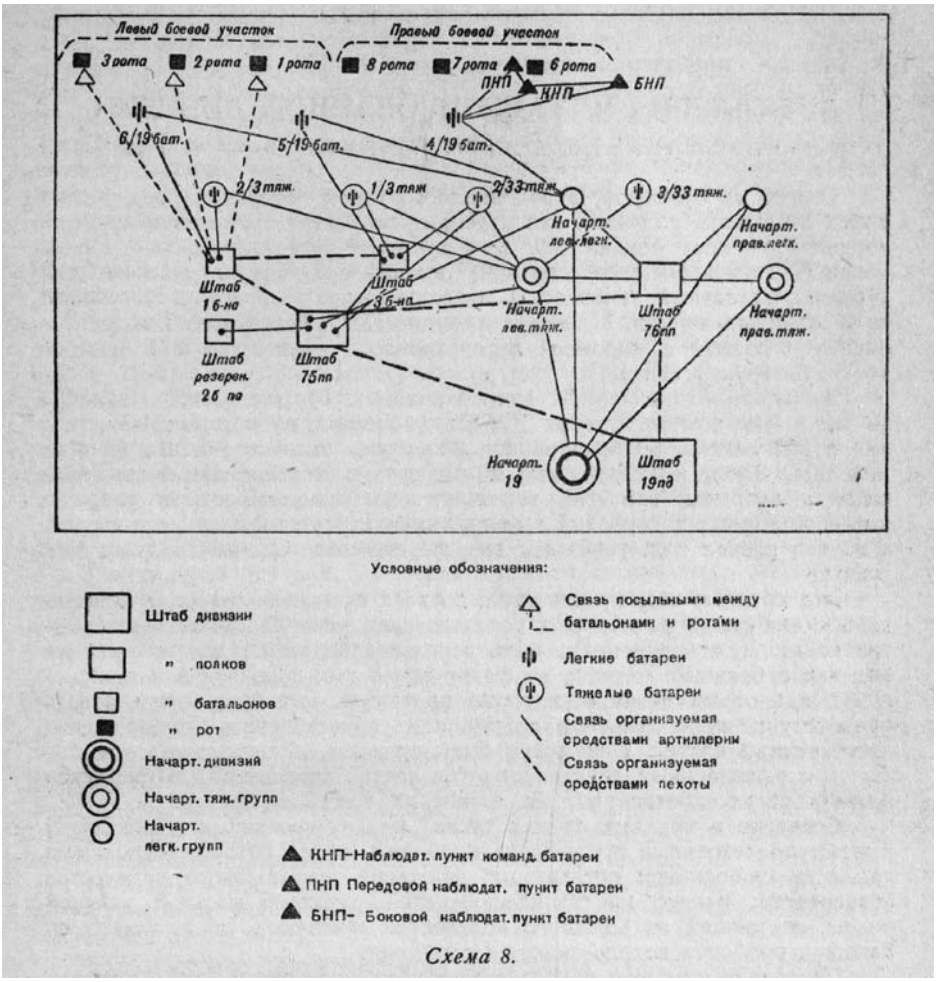

Схема 8.

Ил. 2. Б. Журин. Схема взаимодействия артиллерии с пехотой в обороне на линии Ямница–Загвоздь во время Станиславской операции 1917 г. Источник: *Журин Б.* Артиллерия в Станиславском прорыве 1917 г. (Статья 2-я) // Артиллерийский журнал. 1941. № 2. С. 69.

ных схем, некоторые из которых вошли в его статьи и книги [Журин 1941а; 1943а; 1952; 1955] (см. ил. 2, 3), а некоторые сохранились в архиве[11].

[11] См., например: «Схема успеваемости учеников дома по Котельнической набережной. 1939–1940» (ГАРФ. Ф. 421. Д. 568), «Схемы связи школы с семьей с род. комитетами» (Д. 569), «Схемы связи завода со школой и семьей и с семьями колхозников» (Д. 571), «Схема организации родительского комитета и детского клуба в домах» (Д. 572), «Схема организации районного совета друзей и детей молодежи» (Д. 573), «Проект и схема плана взаимодействия родов войск для уничтожения прорвавшихся “ударных клещей” противника» (Д. 580).

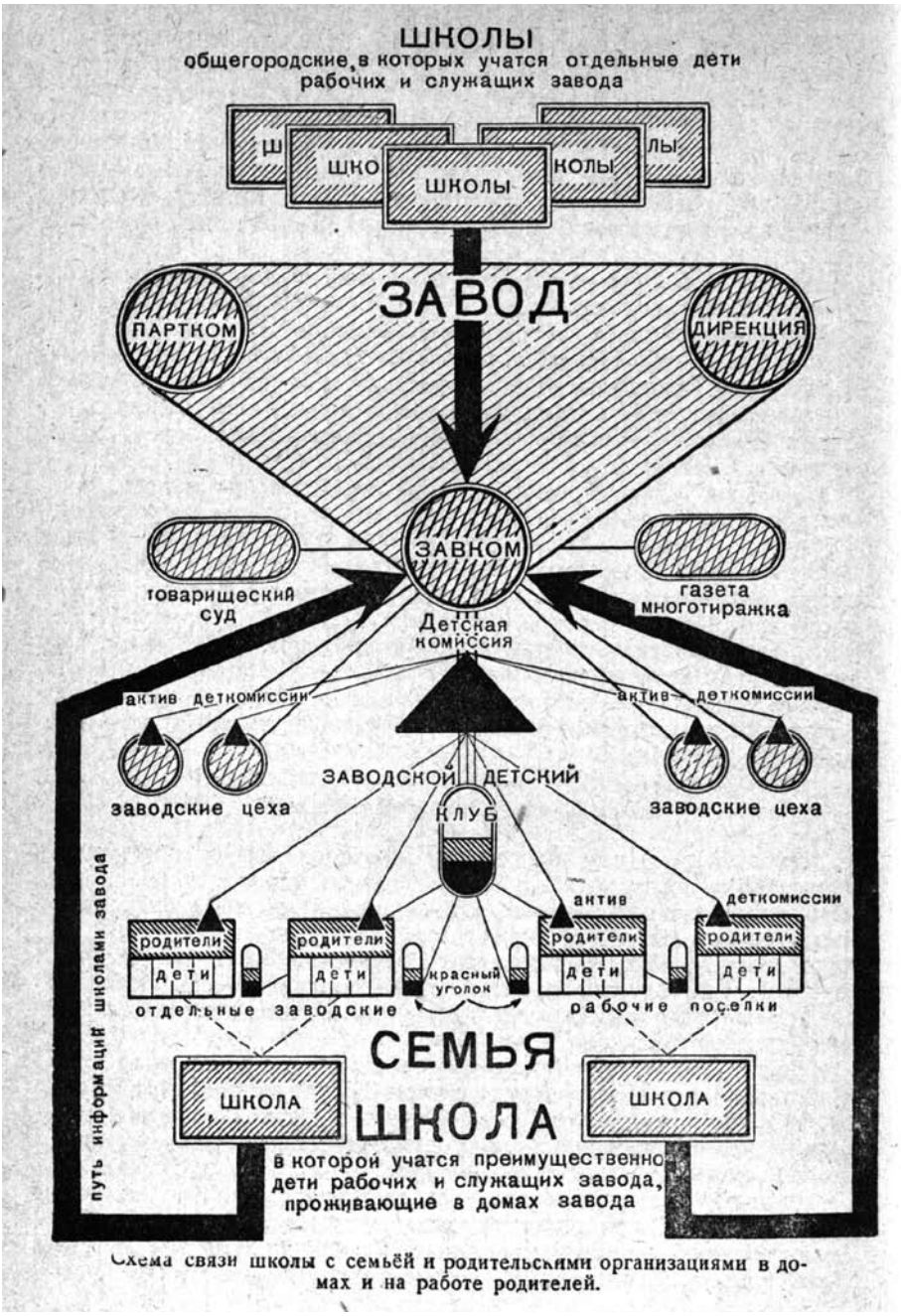

Схема связи школы с семьёй и родительскими организациями в домах и на работе родителей.

Ил. 3. Схема связи школы с семьей и родительскими организациями в домах и на работе родителей. Источник: *Журин Б.* Родительская общественность в помощь школе. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1955. С. 128.

В целом любые сознательно простроенные горизонтальные связи Журин считает индикатором общественного развития и залогом успешности самых разнообразных начинаний — от армейских наступлений до ликвидации ученической неуспеваемости, полагая при этом одиночные и нескоординированные действия заведомо обреченными на провал. В конспекте своего выступления на учительской конференции Пролетарского района Журин зафиксировал два примечательных тезиса:

> Семья — единоличное хозяйство в нашей социалистической общественности ‹…› Разрушить стену [Тезисы выступления 1940: Л. 2].

Примечательно, что при всех многозначительных намеках на кулачество и коллективизацию Журин говорит здесь не о необходимости разрушения семьи или замены ее в социалистическом обществе новым институтом («семейным колхозом»), но лишь о кооперации семей, где даже после создания вспомогательных институтов контроля и взаимопомощи родители сохраняют единоличную ответственность за результаты воспитания своих детей. Точно так же Журин подробно описывает дезинтеграцию между различными родами войск в имперской армии, имевшую, согласно простроенной риторике его книги, классовый характер:

> Армия, впитавшая в себя, наряду с представителями аристократической верхушки нашей плутократии, мелкопоместное, обедневшее дворянство и новую нарождавшуюся буржуазию, не была спаяна в единый армейский коллектив, стремившийся к одной цели, а жила и работала раздробленной на целый ряд обособленных прослоек и групп. ‹…› Основными группами были роды войск: пехота, артиллерия, кавалерия. Между этими группами была, можно сказать, даже без преувеличения — вражда[12]. ‹…› Антагонизм еще более упорный был ко всем остальным частям войск со стороны привилегированной части верхушки царской армии — гвардии всех родов оружия и офицеров, окончивших академию Генерального штаба, представлявших собой замкнутую касту людей, мнивших себя «солью земли» [Взаимодействие 1940 (1): Л. 60–61].

Тем не менее даже в этой, неинтегрируемой, с марксистской точки зрения, армии пришлось прийти к идее взаимодействия, без которой невозможны были бы никакие успешные операции.

И в военно-исторических, и в педагогических работах Журина идея горизонтальной кооперации преподносится как остросовременная, более того — модерная. Он говорит о том, что сама многосоставная и разноуровневая структура социальных проектов и событий требует таких же сложных моделей их социальной реализации. Вот характерная цитата из педагогической книги, подводящая к изобретению «родительских комитетов в домах»:

[12] Здесь и далее подчеркивания принадлежат автору документа.

> Существующие формы организации родительской и детской общественности в виде родительских комитетов, комсомольских и пионерских организаций, видимо, еще не охватывают всей сложности всех внешкольных мероприятий [Родительская общественность 1939: Л. 13].

Обе созданные Журиным в 1939 г. «теории взаимодействия» стали его главными «коньками» и в профессиональной, и в общественной деятельности на ближайшие 25 лет, до самой кончины. Он равно дорожил той и другой и не жалел сил для их продвижения. Интересно, что в критических ситуациях, когда для реализации одного из его проектов требовалась высшая политическая воля, он использовал сходные модели поведения. Так, в начале 1941 г., добившись постановления Моссовета об организации родительских комитетов в домах на территории Москвы, Журин составил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, подписать которое в качестве «паровозов» попросил летчицу М. М. Раскову, вдову Валерия Чкалова — Ольгу и С. Я. Маршака, бывшего в то время депутатом Моссовета [Материалы комиссии 1941: Л. 1][13]. В письме почти с дословным цитированием книги 1939 г. обосновывалось значение этих местных форм контроля над воспитанием детей в семьях и необходимость их скорейшего распространения, а затем назывался конкретный виновный в пробуксовывании соответствующего решения на уровне Наркомпроса:

> В начале марта Мосгороно (тов. Орлов) утвердил положение о родительских комитетах в домах. ‹…› Наркомпрос (начальник управления школ тов. Парфенова) не только не возглавила это дело, но своим упорным бездействием препятствует его широкому развитию [Материалы комиссии 1941: Л. 10].

Дальнейшей борьбе за насаждение домовых родительских комитетов помешала война, однако сразу же по возвращении с фронта Журин продолжил мостить дорогу для реализации своего начинания — уже в октябре 1945 г. была опубликована его первая после военного перерыва статья на эту тему [Журин 1945][14].

История популяризации и воплощения идеи взаимодействия родов войск имеет очень похожую траекторию. Журин заканчивает свою книгу в 1940 г., а в 1941 г. начинает публикацию ее фрагментов в «Артиллерийском журнале» (№ 1, 2, 4, 6). По его собственным воспоминаниям, в июне 1941 г. книга была отослана для рецензирования в Ленинград, но ее путь к читателям прервали начавшаяся война и блокада города[15]. Журин оказался

---

[13] В другом экземпляре письма вместо Маршака фигурирует В. И. Лебедев-Кумач, «орденоносец, депутат Верховного Совета СССР и Мосгорсовета» [Письмо Жданову 1941: Л. 1].

[14] См. также: ГАРФ. Ф. 421. Д. 465.

[15] Ср.: «Редактирование книги ген[ерал-]м[айором] Сивковым ноябрь 1940 — март 1941 ‹…› направление книги в Ленинград для печати в начале июня 1941 г.» [Активное творчество 1957: Л. 19].

в действующей армии в самые первые дни войны[16], уже в октябре 1941 г. он опубликовал в армейской газете статью о взаимодействии разных родов войск в обороне [Журин 1941b] (об организации подобного взаимодействия в 1917 г. он писал и в «Артиллерийском журнале» [Журин 1941a]), однако в этот момент его идеи, по-видимому, так и не были широко восприняты.

Летом-осенью 1942 г. Журин стал свидетелем кровопролитного и, по мнению многих военных историков, провального наступления советской армии под Ржевом (так называемой Ржевско-Сычевской наступательной операции) [Glantz 1999]. Общие потери советских войск в этой операции составили более 300 000 человек, продвижение по фронту — несколько десятков километров (каждый километр территории отвоевывался по одной-две недели), а Ржев так и не был в результате взят — точнее, взят, но позже вновь потерян.

30 сентября 1942 г. Журин направил составленную им докладную записку, адресовав ее наркому обороны И. В. Сталину, заместителям наркома обороны Н. Н. Воронову и А. А. Новикову и начальнику политического управления Красной армии А. С. Щербакову. Сохранившаяся в архиве Журина машинописная копия этой записки озаглавлена «Невозможно дольше молчать» [Докладная записка 1942]. Скорее всего этот заголовок отсутствовал в оригинале, однако он очень точно передает настроение автора в момент, когда он решился на столь резкий критический жест.

Согласно Журину, одной из значимых причин неудач Ржевско-Сычевской операции было отсутствие координации между разными родами войск: авиация передавала полученные разведданные исключительно в штаб, и до артиллерии они доходили только через 1–2 дня, в то время как во время наступления эти данные должны были передаваться непосредственно на батареи и в пехотные части, что позволило бы артиллерии вести огонь по перемещавшимся войскам противника, а пехоте — прорывать фронт. Более того, тактическая разведка в этой операции вообще не считалась первоочередной целью операции — таковыми были признаны бомбометание и дальняя разведка. Это мешало и самой авиации, так как бомбометание осуществлялось по целям, намеченным за 5–6 дней до того, что в условиях мобильности противника (напомню, что Ржев был крупным железнодорожным узлом) наполовину обессмысливало работу бомбардировщиков. Журин в ужасе писал о том, что приемы подобного взаимодействия войск были успешно отработаны еще в российской армии времен Первой мировой войны, когда уровень технического оснащения был значительно ниже, а количество используемых при наступлении самолетов — в сотни раз меньше:

> Мне, участнику организации прорывов еще в мировую войну 1914–18 гг., было жутко наблюдать, как действие такой массы самолетов в

[16] Сохранился его краткий военный дневник: [Дневниковые записи 1941].

> наше время в 1942 г. проходило наполовину впустую, благодаря отсутствию должной организации — при наличии всех средств и возможностей [Докладная записка 1942: Л. 2–3].

Впрочем, помимо отсутствия стратегического мышления Журин обвинял командиров среднего звена и в элементарном неумении договориться — так, специализированная авиагруппа, приданная артиллерии для разведки, оказалась «пасынком» ВВС и в ходе наступления фактически не использовалась.

Горькое резюме автора: «За отсутствие войсковой авиаразведки [и] полный отрыв нашей авиации (даже при ее превосходстве над противником) от артиллерии — наша пехота расплачивается своею кровью и несет излишние жертвы» [Там же: Л. 1] — сопровождалось подробнейшим планом действий, который был, по-видимому, в буквальном и переносном смысле взят на вооружение военачальниками. На сохраненной Журиным копии докладной записки приведена резолюция Г. К. Жукова:

> Автор прав — указанное действительно имело место. Тт. Воронову и Новикову разработать инструкцию взаимодействия авиации с артиллерией для доклада т. Сталину. 5.10.1942 [Там же].

Не исключено, что благодаря привлечению внимания руководства страны и армии к проблеме взаимодействия войск сдвинулось с мертвой точки и дело публикации военно-исторической книги Журина: она вышла в свет в 1943 г. и была, если верить воспоминаниям ее автора, разослана «по всей действующей армии» [Активное творчество 1957: Л. 23]. По свидетельству Журина, предложенная им система взаимодействия артиллерии с разведывательной авиацией и пехотой была реализована при прорыве немецкой обороны на участке Псков–Остров и при освобождении Прибалтики [Активное творчество 1957: Л. 24; Активное творчество 1955: Л. 9]. Впрочем, сам Журин вынужден был позже признать, что до широкого применения его методик дело так и не дошло, поскольку «все эти мероприятия совместной разведки в пехоте и артиллерии изучались действовавшими войсками впервые» и «требовали большой и упорной работы по внедрению его во всех подразделениях артиллерии и пехоты» [Активное творчество 1955: 9].

В 1940–1950-е годы Журин принимал участие в подготовке учебно-методических пособий, так называемых сборников боевых примеров по взаимодействию артиллерии и других родов войск [Журин 1943b; Журин 1947], он также является одним из авторов обобщающей монографии [Журин, Ростовцев 1958]. Работа Журина в научно-историческом отделе Ленинградского артиллерийского музея в 1953–1957 гг. увенчалась довольно радикальными выводами, которыми он смело делился в своих устных выступлениях:

> В результате последовательного изучения истории артиллерии и преимущественно 18–19 и 20 вв. мне и пришлось встретиться с такими фактами: когда [каждая] последующая война в тактике использования артиллерии в начале войны значительно отставала от методов, применявшихся в предыдущей войне… [Воздушная фоторазведка 1960: Л. 44].

5

Десятилетие, отделяющее первую редакцию книги о домовых родительских комитетах от окончательной, принятой к публикации в «Учпедгизе», внесло некоторые изменения и в концепцию Журина, и в сам заголовок его труда: теперь речь шла о помощи, которую родительская общественность оказывает школе в воспитании детей. Фактически Журин призывал освободить школу от воспитательной работы с детьми во внеучебное время и дать ей возможность сосредоточиться на задачах обучения и контроля над дисциплиной в собственных стенах, ибо даже эти задачи она, по-видимому, не в состоянии пока решить самостоятельно[17]. И тут в первоначальную систему взаимодействия включается еще один социальный агент — трудовые коллективы, в которых работают родители, точнее даже, партийные и профсоюзные организации по месту их работы: именно туда школа должна направлять сведения об учениках с плохой успеваемостью и неудовлетворительным поведением, именно туда должны сообщать информацию о «неблагополучных семьях» домовые (в больших городах) или поселковые (в рабочих поселках и деревнях) родительские комитеты [Воспитание родителей 1955: Л. 26–27]. Родительская общественность (т. е. социально активные и сознательные соседи и коллеги по работе) является, по мнению Журина, единственным ресурсом, способным компенсировать и исправить недостатки традиционных институтов, не справляющихся со своими главными функциями образования и воспитания — школы и семьи.

В период подготовки второго издания своей книги Журин предлагает редакторам скорректировать ее название, указав в нем оба направления деятельности родителей-общественников, а значит, и два наиболее кризисных участка работы:

> Считаю, что в наименование 2-го издания книги следует внести слово «семья» с тем, чтобы она называлась так: «Родительская общественность в помощь семье и школе» [Письмо в «Учпедгиз» 1955: Л. 1].

[17] См.: «Таким образом, основными задачами совместной работы учителя и общественности по воспитанию родительских масс будет: 1) Полностью освободить школы и учителя от забот об исправлении внутренних неполадок в семьях учащихся; 2) Улучшить условия для детей при подготовке дома уроков и поднять их успеваемость в школе; 3) Дать возможность учителям сосредоточить свои основные усилия на улучшении учебно-воспитательного процесса в школе» [Школа, семья и советская общественность 1953: Л. 8].

По-видимому, в этой замене Журин учел ту интерпретацию, которую приобрела его инициатива в последние годы сталинского периода. Публикации Журина конца 1940-х, а затем и выход его книги в 1952 г. имели некоторый резонанс: при домоуправлениях в разных уголках СССР стали создаваться родительские комитеты. Эти действия были спорадическими и зависели от конкретных решений местных властей. Так, 18 марта 1952 г. совет города Раменское Московской области принял постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах», в котором потребовал создать при «больших домах» родительские комитеты [Постановление 1952]. Журнал «Огонек» еще в 1950 г. прославлял работу родительского комитета при одном из домоуправлений в самом центре Москвы (на улице 25 Октября, ныне Никольской, которая отходит непосредственно от Красной площади), в котором «жены-общественницы» — здесь «выныривает» слово, которого Журин не употреблял, — отучили от хулиганства некоего Толю М., судя по контексту — единственного сына матери-одиночки. В статье утверждалось, что в Москве действуют более тысячи родительских комитетов при домоуправлениях и что это — новая инициатива «советской общественности». Характерно, что сама эта публикация названа «Друзья с е м ь и и школы» (разрядка моя. — *М. М.*) [Новосельский 1950].

Совершенно новый смысл идея внешней, социальной поддержки семьи получила в 1956 г. Н. С. Хрушев в отчетном докладе XX съезду КПСС вынес семье «вотум недоверия». Он предложил организовать новый для советской системы образования институт школ-интернатов, в которых дети могли бы проводить всю неделю и даже весь учебный год под присмотром воспитателей и педагогов, так как в семье они, по мнению Хрущева, лишены и присмотра, и надлежащего руководства. Первоначально Хрущев планировал постепенно переучредить всю систему среднего образования на школьно-интернатной основе, видя в этом институте идеальную форму общественного (на деле — государственного) воспитания, т. е. первые ростки коммунизма[18]. При общей скептической оценке потенциала семьи подход Журина, в отличие от хрущевского, не предполагал освободить родителей от ответственности за воспитание детей; напротив, предполагалось, что эта ответственность будет возложена на них как первостепенный долг и обязанность перед государством, и напоминать о ней, равно как и корректировать неадекватное родительское поведение, будут органы «родительской общественности».

В некотором смысле концепция Журина гораздо ближе подходила к идее общественного воспитания при коммунизме, чем проект школ-интернатов у Хрущева. Однако в 1956–1964 гг. (год смерти Журина совпадает с годом отставки Хрущева) обе эти концепции реализовывались параллельно, а сама «оттепель» совершенно отчетливо придала деятель-

[18] См. об этом мою работу: [Майофис 2016].

ности Журина новый импульс и новую мотивацию. Те идеи, которые в 1939 г. Журин с огромным трудом продвигал через комиссии Моссовета и Наркомпроса и которые смог изложить в книжном, а не статейном формате только в 1952 г., в 1956–1964 гг. вдруг оказались абсолютно созвучными духу времени и были приняты «на ура». 4 октября 1957 г. уже не горсовет Раменского, а Совет Министров РСФСР принимает Постановление № 1099 «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности», где предписывалось создать родительские комитеты при домоуправлениях по всей республике [Абакумов и др. 1975: 357–359]. Опыт работы таких комитетов стали обсуждать и пропагандировать интенсивнее, чем прежде, — уже не в заметках в «Огоньке», а в брошюрах[19]. Участники родительских комитетов в печати призывали диверсифицировать социальную работу домоуправлений и открывать при них, например, технические клубы для молодежи под руководством родителей-«общественников» [Доценко 1958].

После выхода на пенсию (1957) и возвращения из Ленинграда в Москву Журин удвоил, если не утроил усилия по пропаганде идей «родительской общественности». Количество его устных выступлений и докладов, газетных и журнальных статей, проектов законодательных актов в это последнее семилетие его жизни исчисляется десятками, если не сотнями. Он регулярно печатается в «Семье и школе», «Народном образовании», «Учительской газете», «Известиях». В 1956–1958 г. вместе с О. Э. Чкаловой, Г. С. Макаренко, С. С. Дзержинской, К. Н. Корниловым ратует за создание «Общества родителей» [Журин и др. 1958]. А в 1959 г. принимает активное участие в создании Педагогического общества РСФСР и разработке его устава [Журин 1960]. В рамках этой общественной организации Журин, наконец, находит возможность целенаправленно осуществлять работу по организации «родительской общественности»; собственно, под его идеи Педагогическое общество и открывает одноименную секцию, в которой Журин становится сперва заместителем председателя, а потом и председателем. А в 1961 г., накануне XXII съезда КПСС, он разрабатывает в этой секции отдельный проект дополнений и корректив к III Программе партии, чтобы осветить в ней подробнее роль семьи и, конечно же, родительской общественности.

«Нам думается, что значение семьи, как активного фактора, в воспитании нового человека — остается при всех случаях любой помощи и даже замены семейного воспитания общественным», — пишут О. Чкалова и Б. Журин в сопроводительном письме для газеты «Известия», вступая в подспудную полемику с первым секретарем ЦК Хрущевым. Журин предлагает на страницах новой программы партии вменить всем родителям в обязанность еще на этапе подготовки к заключению брака получать специальное образование (окончить «родительские университеты»), которое подготовило бы их к вы-

[19] См., например: [Из опыта работы 1958].

полнению их миссии. Ну а дальше — уже знакомые нам тезисы о контроле, который осуществляют над воспитанием детей профсоюзные и партийные организации, родительские комитеты в школах и при домоуправлениях [Предложения по программе КПСС 1961: Л. 5, 7, 11].

Но тут Журин вновь оказался не «наравне с веком» — его поправки в III Программу партии внесены не были.

6

«Оттепель» дала Журину еще одно, может быть, даже более масштабное, чем в случае с родительской общественностью, подтверждение его давней правоты. Точнее будет сказать — она дала ему словарь для номинации и описания того, чем он занимался с конца 1930-х. Два сохранившихся в архиве доклада Журина 1956 и 1957 гг. имеют сходные заголовки: «Творчество масс в войсковой артиллерийской разведке в помощь решениям высшего командования» и «Активное творчество офицера в научной и практической работе (по личному опыту)». Как это ни покажется странным, ни в одном из докладов речь не идет ни про самодеятельность, ни даже про досуг в целом. Оба текста посвящены профессиональным занятиям Журина и его ближайших коллег — военных ученых-артиллеристов и артиллеристов-практиков. На обложке первого конспекта, подготовленного в конце 1955 г. для выступления в феврале 1956 г., сделаны характерные пометки красным и синим карандашом: «Доклад в Воен[но]-ист[орической] секции Д[ома] У[ченых] АН СССР 14.02.1956 (в день нач[ала] XX съезда)» [Активное творчество 1955: Л. 1]. Можно предположить, что по завершении XX съезда Журину было очень важно установить корреляцию между теми переменами, о которых говорил он сам в докладе, и теми переменами, которые обещал XX съезд.

Более ранний из этих двух текстов является и более узко специализированным. Журин предлагает нововведения в методах артиллерийской разведки:

> В задачи артиллерийской разведки наблюдением начиная с низовых звеньев входит не только разведка отдельных целей (огневых точек), но и а) изучение системы обороны противника, и расположения отдельных целей в опорных пунктах, узлах сопротивления ‹…› б) изучение танкоопасных направлений, направлений возможного наступления пехоты противника… [Там же: Л. 5].

А это, в свою очередь, означает выход артиллерийского разведчика за пределы его узкой компетенции, необходимость обрабатывать и осмыслять информацию, совершенствовать собственную культуру наблюдения и мышления, наконец, учиться делать выводы и давать рекомендации. Сам Журин называет весь комплекс предложенных им антропологических реформ «использованием инициативы и творчества масс артиллеристов разведчиков в помощь высшему командному составу, планирующему бои и операции» [Там же: Л. 7].

В докладе 1957 г. вопрос рассматривается уже более широко:

> а) Все мы независимо от характера работы добросовестно творим. Научные работники, хозяйственники, рабочие, служащие — каждый на своем посту.
> б) т. е. добросовестно выполняем свои обязанности путем:
> напряженной, усиленной работы; затраты своих нервных, творческих усилий и знаний по специальности.
> в) однако можно все добросовестно выполнять то, что тебе начальство приказало, но самому не проявлять никакой инициативы.
> а) не интересоваться дальнейшей судьбой твоей выполненной работы, т. е. не смотреть немного вперед, а только себе под ноги и перед собой;
> б) не вносить никаких предложений в работе по твоей специальности;
> в) не думать в помощь своим начальникам, «им, мол, положено за всех нас соображать»;
> г) моя хата с краю; сделал; отзвонил и с колокольни долой» [Активное творчество 1957: 5].

Таким образом, в понятийном словаре и в сознании Журина закреплена четкая дихотомия: безынициативной работы по приказанию (распоряжению) начальства и — творческой, инициативной работы *в помощь* начальству. Обосновывая необходимость и неотменимость проявления творческой инициативы, Журин не стесняется в характеристиках, подрывающих и авторитет, и полномочия любых руководителей:

> …Ведь кто такие все наши начальники…
> Он не в силах сам один, или с коллективом своих помощников — всего предусмотреть по каждому делу и вопросу.
> И потому ‹…› всякий начальник очень нуждается в этой помощи снизу. Почему? И кого?
> Да потому, что Вы, как узкий специалист, лучше всех знаете свой предмет и то дело, которое делаете [Активное творчество 1957: Л. 8].

Итак, ключ подобран, слово найдено. Активное творчество — вот что составляло суть занятий Журина на протяжении как минимум двадцатилетия[20]. Однако такое расширительное толкование понятия *творчество* было, скорее всего, знакомо Журину задолго не только до «оттепели», но и до 1939 г., когда он начал обосновывать в своих трудах идею социального и профессионального взаимодействия. В конспектах лекций, которые

[20] Сам Журин делал еще более масштабное обобщение: «Весь мой практический опыт за период времени с 1914 по 1957 сводился к: / Изучению, обобщению и внедрению в действующей армии и боевой подготовке войск новейших приемов боевого применения артиллерии во взаимодействии с разведывательной авиацией методом активного творчества» [Активное творчество 1957: Л. 13].

Журин читал в конце 1910-х — начале 1920-х годов в самодеятельных клубах, находится текст популярной лекции, предварявшей постановку фонвизинского «Недоросля» на сцене одного из сельских клубов, а в нем — фрагмент, прямо отсылающий к рассуждениям об активном творчестве 1955–1957 годов:

> Несомненно, искусство — путь воспитания
> Удаляет от будней
> Дает радости
> X Начало творчества
> Для народа Недоросля полуграмотного — выявление творчества — главное ‹…›
> V Творчество — во всех областях… [Конспекты выступлений 1919: Л. 26–26 об.].

Выражение «(живое/активное) творчество масс» берет свое начало из ранней революционной эпохи. Разумеется, в текстах конца 1910-х — начала 1920-х годов оно часто выступает предикатом термина *общественность* (см. в выступлении Ленина 4 (17) ноября 1917 г.: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности» [Ленин 1974: 35] и довольно скоро начинает противопоставляться бюрократии, тормозящей и удушающей любые ростки подобного творчества[21]. Однако вскоре после «великого перелома» *творчество масс* уходит из активного словоупотребления и, по аналогии с *общественностью*, возвращается только в «оттепель». Однако Журин использует выражение «активное творчество», сдвигая его смысл и развивая коннотации, заложенные в его противопоставлении «бюрократии»: активно творя, социальный субъект не просто преобразует реальность и побеждает энтропию — он становится способен увидеть и изобрести способы исправления тех недостатков и недостач, которые не видны или неподвластны его начальникам. Велик соблазн предположить, что к подобному толкованию понятия *активное творчество* Журин пришел именно в 1939 г.

7

Я подхожу к центральному вопросу этой статьи, важному и для понимания биографии Журина, и для прояснения некоторых социокультурных контекстов 1939 г. Почему именно в этот год проживший много лет в тени публичной жизни инженер-строитель вдруг решил резко сменить специальность и одновременно заговорить с широкой аудиторией?

Мотивация «военного» поворота в карьере Журина, как кажется, лежит на поверхности: сам он оставил несколько письменных свидетельств о том, что заставило его взяться за книгу по истории июньского прорыва 1917 г. Вот короткая цитата из конспекта доклада 1957 г.:

[21] См., например: [Троцкий 1923; Сталин 1929: 110].

> Подготовка к великой Отечественной войне: ‹…› готовили К[расную] А[рмию] исключительно на опыте Гражданской войны ‹…› Плохой отдел фотограмметрии в Акад[емии] Дзерж[инского] ‹…› не знал (не имел боев[ой] практики) [Активное творчество 1957: Л. 19].

В докладе 1960 г. он был еще откровеннее:

> В годы мирного строительства Сов. Армии с 1928–1941 годы — силы, мощь и техническая оснащенность С[оветской] Армии по сравнению с русской армией неизмеримо возросли ‹…› Несмотря на совершенную технику фотосъемки и дешифрования Оперативно-тактическое использование данных фоторазведки перед Вел[икой] Отеч[ественной] войной требовало еще значительного усовершенствования из-за отсутствия опыта и информирования изучения практики Первой мировой войны.
> В этом мне пришлось убедиться лично [Воздушная фоторазведка 1960: Л. 33, 34].

«Убедиться лично» в плачевном состоянии дел состоявший офицером запаса еще с апреля 1922 г. строительный инженер Журин, по-видимому, смог во время военной переподготовки, на которую он попал в 1937 г.[22] Опытный боевой офицер, конечно, не мог не увидеть, что Большой террор обернулся для Красной армии полным разрывом каналов передачи опыта — под каток репрессивной машины, как правило, попадали именно те представители командно-офицерского состава, которым довелось закончить военно-учебные заведения имперской России и повоевать на фронтах Первой мировой. Так, французский военный атташе, в те же месяцы анализировавший последствия этих событий, докладывал в Париж:

> 1. Красная армия, вероятно, более не располагает командирами высокого ранга, которые бы участвовали в мировой войне иначе как в качестве солдат или унтер-офицеров. ‹…› 3. Уровень военной и общей культуры кадров, который и ранее был весьма низок, особенно упал вследствие того, что высшие командные посты были переданы офицерам, быстро выдвинутым на командование корпусом или армией, разом перепрыгнувшим несколько ступеней и выбранным либо из молодежи, чья подготовка оставляла желать лучшего и чьи интеллектуальные качества исключали критичную или неконформистскую позицию, либо из среды военных, не представляющих ценности, оказавшихся на виду в гражданскую войну и впоследствии отодвинутых, что позволило им избежать всякого контакта с «врагами народа». В нынешних условиях выдвижение в Красной армии представляет своего рода диплом о некомпетентности. ‹…› 6. Учреждение института военных комиссаров, усилия, прилагае-

[22] «В РККА — прошел 2-х месячный курс в Аккусс’е в 1937 году» [Черновик автобиографии 1940: Л. 2]. АККУС — по-видимому, переиначенная аббревиатура КУКС — курсов усовершенствования командного состава.

> мые для того, чтобы поставить во главе воинских частей офицеров, служивших в отдаленных друг от друга местностях и незнакомых между собой, и все более непосредственное наблюдение со стороны органов государственной безопасности ставит кадры Красной армии в положение невозможности полезной работы и лишает их всякой инициативы и увлеченности делом (цит. по: [Дессберг, Кен 2004: 37–38]).

То же состояние упадка и кризиса компетентности диагностирует из-за границы в 1938 г. и Л. Д. Троцкий:

> У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обделывают свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и в малом воцаряется запустение. Оружие не чистится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на красноармейцах грязное белье. Пища становится все хуже по качеству и не подается в положенные часы. В ответ на жалобы командир отсылает к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство; комиссары соперничают с ними и в этом отношении [Троцкий 1938].

Хотя Журин исходил в своих оценках скорее всего из других данных, чем французский военный атташе Палас и давний политэмигрант Троцкий, и больше руководствовался собственными наблюдениями, чем полученными из чужих рук сведениями, трудно предположить, что он не разглядел угроз, которые нес с собой кадрово-компетентностный кризис армии, обезглавленной и обескровленной Большим террором. Журин начинает работу над книгой в июле 1939 г., за месяц до заключения пакта Молотова–Риббентропа, и, конечно, с полным пониманием неизбежности войны — неважно, оборонительной или наступательной.

Интересно, по чьему именно приглашению Журин оказался в Академии имени Фрунзе, кто заинтересовался его опытом организации взаимодействия войск в период Первой мировой войны, его аналитическими способностями и преподавательским даром. Позднейшие воспоминания Журина проливают свет и на этот вопрос. В одном из докладов 1950-х годов он более подробно описывает подробности своего профессионального поворота:

> …Вызов в акад[емию] им. Фрунзе весной 1939 г. ген[ерал-] м[айору] арт[иллерии] Краснопевцеву. Работа в архиве. ‹…›
> вызов ген. Сивковым в артил[лерийскую] Академию им. Дзержинского. Зима–весна 1940 [Активное творчество 1957: Л. 19].

Семен Александрович Краснопевцев (1896–1954), с января 1937 г. старший преподаватель кафедры вооружения и техники Академии им.

Фрунзе, в феврале 1939 г. получивший воинское звание комбрига, окончил в 1915 г. Константиновское артиллерийское военное училище, прошел всю Первую мировую войну, в 1918 г. перешел в Красную армию, участвовал в Гражданской войне и Польском походе, дослужившись тогда до должности командира полка. Сходный, хотя и более стремительный в карьерном отношении путь проделал и Аркадий Кузьмич Сивков (1899–1943), закончивший в 1916 г. то же Константиновское училище и так же, как его почти однокашник Краснопевцев, провоевал в Первую мировую поручиком, а в Гражданскую дослужился до звания военкома дивизиона. Оба сменили кадровую службу на преподавательскую: Краснопевцев поступил на кафедру артиллерии Академии им. Фрунзе в 1934 г., а Сивков в октябре 1937 г., в разгар Большого террора, был назначен начальником Артиллерийской академии им. Дзержинского[23]. С высокой долей вероятности можно утверждать, что Краснопевцев и Сивков были не просто знакомы, но часто встречались и взаимодействовали друг с другом, и перевод Журина в 1940 г. из общевойсковой академии в специализированную артиллерийскую был результатом их взаимной договоренности.

Оба патрона Журина принадлежали к тому же, что и он, поколению, так же как и он прошли окопы Первой мировой и Гражданской — только в чинах прибавляли быстрее и не вышли в начале 1920-х годов в отставку. Но в целом, по-видимому, в культурно-антропологическом смысле между ними было много общего, в том числе — и понимание вызовов, которые ставила перед советской армией приближающаяся новая война. Характерно, что при начале советско-финской кампании и Краснопевцева, и Сивкова вызвали в действующую армию: первый стал старшим помощником начальника артиллерии 13-й армии, второй — командующим артиллерией Северо-Западного фронта.

Необходимость взаимодействия родов войск при боевых операциях, как и почти недосягаемый уровень сложности этой задачи, осознавались в 1939–1941 гг. практически всеми выжившими после Большого террора компетентными военачальниками. Этот вопрос стал лейтмотивом совещания высшего руководящего состава РККА, прошедшего в Москве 23–31 декабря 1940 г. Так, о трудностях организации взаимодействия войск подробно говорил в своей речи генерал А. А. Власов, а маршал Г. И. Кулик открыто признал, что взаимодействие артиллерии с авиацией в армии совершенно не отработано [Накануне войны 1993].

Характерно, что тот единственный участок фронта Великой Отечественной войны, на котором была принята и отработана методика Журина по взаимодействию артиллерии, авиации и пехоты (упомянутые им в докладах 1950-х годов Западный, а потом 3-й Прибалтийский фронты), был летом 1944 г., в момент проведения упомянутых Журиным боевых опера-

[23] Ранее, в 1936–1937 гг. Сивков был советским военным атташе в Великобритании, где работал по заданию ГРУ.

ций, зоной ответственности все того же Краснопевцева, возглавившего в мае 1944 г. артиллерию 3-го Прибалтийского фронта.

«Активное творчество перековавшихся и уцелевших» — так, наверное, можно было бы назвать сотрудничество Журина, Краснопевцева и Сивкова по изучению и усвоению организационного и технологического опыта Первой мировой войны.

8

Мотивация выхода Журина на публичную сцену в качестве пропагандиста идей совершенствования семейного воспитания и упорядочения контроля над родителями менее прозрачна, однако ее все же можно попробовать восстановить.

В одном из многочисленных списков публикаций, выступлений и экспертиз, составленных Журиным в последние годы жизни, фигурирует пункт, хронологически предшествующий началу работы над книгой о родительских комитетах в домах: «Проработка программы “книги для родителей” в комиссии под председательством проф. Волковского при Государственном научно-исследовательском институте школ Наркомпроса РСФСР март 1939 — январь 1940 г.» [Перечень работ 1958: Л. 2].

Упомянутая Журиным «книга для родителей» была издана в 1941 г. под эгидой наркомпросовского Института школ [Сарычева 1941]. Она стала ответом на настойчивый запрос педагогического и родительского сообщества, формулировавшийся в том числе и на страницах «Учительской газеты» (см., например: [Чуковский 1940]). Однако никаких текстов моего героя в этой книге нет — да это и неудивительно. Через несколько месяцев после начала работы в комиссии Института школ он явным образом выбирает другой путь, настаивая на том, что нерадивых родителей нужно не просвещать посредством книг, но контролировать с помощью их более сознательных соседей, а родителей активных и интересующихся вовлекать в отношения горизонтальной кооперации, дабы создавать для детей дружественное общественное пространство, где они могли бы под «присмотром» готовить уроки, играть, заниматься в кружках, участвовать в самодеятельности, ездить в загородные поездки, и т. д.

Название, которое Журин дал в своем библиографическом перечне коллективной монографии 1941 г., не случайно совпадает с названием одной из последних книг А. С. Макаренко [Макаренко 1937]; то же название фигурировало и в дискуссии, организованной «Учительской газетой» в конце 1939 — начале 1940 г. По сути, и Макаренко в 1936–1937 гг., и комиссии Института школ Наркомпроса в 1939 г. решали одну и ту же задачу — создание методической и дидактической базы для просвещения советских родителей. Журин, поначалу вовлеченный в работу комиссии, эту задачу переформулирует или, точнее, ставит вместо нее ту, которую считает более релевантной на текущем историческом этапе.

По сути, Журин отталкивается от той же идеи, что и Макаренко: «Виновниками “плохих” ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье» [Родительская общественность 1939: Л. 4], — однако делает из этой предпосылки совершенно иные, чем его предшественник, выводы:

> Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. ‹…› Родители некоторых ребят нуждаются не менее своих детей в соответствующем воспитании, помощи, а иногда и воздействии. Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей. Эти задачи не под силу поднимать одной школе. В этом деле нужна помощь широкой общественности [Там же: Л. 4, 5].

В стремлении создать концепцию, альтернативную идее воспитания детей в семье, в акцентировании задач самоорганизации, Журин был не одинок. Другую, не менее сильную альтернативу «Книге для родителей» предложил в 1940 г. Аркадий Гайдар в повести «Тимур и его команда»: здесь мы видим то же, что и у Журина, локальное сообщество — только это сообщество не родителей, заботящихся о детях, а, наоборот, детей, заботящихся о требующих специального внимания взрослых.

Гётц Хиллиг убедительно показывает, что начало работы А. С. Макаренко над «Книгой для родителей» (от себя добавлю — и создание соответствующей комиссии в Институте школ Наркомпроса) было реакцией на изменившуюся в 1935–1936 гг. социальную политику советского государства [Hillig 1992: 85][24], на выдвижение на первый план традиционного и, казалось бы, ниспровергнутых в 1920-е годы института семьи и идеи семейного воспитания. Можно предположить, что сформулированная Журиным в 1939 г. концепция родительской общественности была продиктована фактическим признанием неспособности советской семьи самостоятельно, без дополнительного контроля и помощи, справляться с задачей воспитания детей. Как уже было указано выше, к такому, если не более пессимистическому выводу Журин пришел и в отношении советской школы (ранее отказал школе в этом праве и Макаренко, которого упрекали в проявленном в «Книге для родителей» нарочитом невнимании к школьному воспитанию). В этом контексте книга «Родительская общественность в домах» пессимистически констатировала неуспешность первого этапа новой советской социальной политики, связанной с поворотом к семье.

Параллельное рассмотрение двух книг Журина, начатых в 1939 г., позволяет заключить, что их автор тогда понимал важнейшие социальные институты СССР — армию, семью и школу — как находящиеся в глубоком кризисе, а общество в целом — как фрагментированное и нуждающееся

[24] Хиллиг полагает, что к работе над «Книгой для родителей» Макаренко приступил сразу после опубликования проекта постановления «О запрещении абортов...» (27 июня 1938 г.).

в срочном укреплении связей между отчужденными друг от друга элементами, в том числе — в организации новых информационных каналов. Все эти задачи должны были представляться Журину особенно острыми в условиях начинавшейся большой войны.

Свое письмо Сталину 1942 г. Журин назвал «Невозможно больше молчать» (вероятно, бессознательно цитируя название знаменитого открытого письма Л. Н. Толстого). Однако в действительности этот прорыв из молчания к громкой публичной речи совершился не в 1942-м, а в 1939 г. — в период первого осознания результатов Большого террора и плодов новой сталинской имперски-ориентированной политики.

Архивные источники

Активное творчество 1955 — Тезисы доклада Журина Б. И. в военно-исторической секции Дома ученых АН СССР на тему «Творчество масс в войсковой артиллерийской разведке в помощь решениям высшего командования». Рукопись [1955] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 112).

Активное творчество 1957 — Тезисы доклада Журина Б. И. офицерскому составу в/ч 21374 на тему: «Активное творчество офицера в научной и практической работе (по личному опыту)». Рукопись [1957] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 117).

Взаимодействие 1940 — Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г. [Рукопись книги]. Москва. 1940. Т. 1 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 47). Т. 2 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 48).

Воздушная фоторазведка 1960 — Тезисы выступления полковника Журина Б. И. «Воздушная фоторазведка в 1-ой и 2-ой мировых войнах (по личному опыту) 17 марта 1960 в В[оенно]-Н[аучном] О[бществе] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 123).

Воспитание родителей 1955 — *Журин Б.И.* Воспитание родителей партийными и профсоюзными организациями на работе. Ленинград, 1955. [Текст статьи] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6).

Дневниковые записи 1941 — Дневниковые записи Журина Б. И. (первая неделя второй мировой войны) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 424).

Докладная записка 1942 — Докладная записка подполковника Журина Б. И. наркому обороны СССР тов. Сталину И. В. «Невозможно дольше молчать». 30 сентября 1942 г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 281).

Конспекты выступлений 1919 — Конспекты выступлений Журина Б. И. в самодеятельных клубах с разбором пьес и афиши. 1919–1920 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 156).

Материалы комиссии 1941 — Материалы работы комиссии для выработки представления в ЦК ВКП(б) о мероприятиях, направленных к единству коммунистического воспитания детей в школе и семье (доклад, письмо и черновые материалы) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 260).

Материалы о выходе на пенсию — Материалы о выходе Журина Б. И. на пенсию (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 438).

Перечень мероприятий 1937 — Перечень мероприятий, проведенных Журиным Б. И. в школе № 498 в 1936–1937 уч. г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 253).

Перечень работ 1958 — Перечень литературных, экспериментальных работ и мероприятий, проведенных тов. Журиным Б. И. по организации родительской общественности и коммунистическому воспитанию детей и молодежи за время 1919–1958 гг. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 563).

Письмо в «Учпедгиз» 1955 — Письмо Б. И. Журина зав. редакцией педагогики «Учпедгиза» тов. И. В. Лепилину, 24 марта 1955 года (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7).

Письмо Жданову 1941 — Письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 233).

Предложения по программе КПСС 1961 — Предложения по Программе КПСС, разработанные Центральным советом Педагогического общества РСФСР с пометками Журина Б. И. 19 сент. 1961 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 239).

Родительская общественность 1939 — *Журин Б. И.* Родительская общественность в домах [Рукопись книги]. М., 1939 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1).

Тезисы выступления 1940 — Тезисы выступления Журина Б. И. на учительской конференции Пролетарского района 7 января 1940 г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 75).

Черновик автобиографии 1940 — *Журин Б. И.* Черновик автобиографии для защиты кандидатской диссертации (1940–1941) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 166).

Школа, семья и советская общественность 1953 — *Журин Б. И*. Доклад на тему «Школа, семья и советская общественность в домах и на предприятиях по коммунистическому воспитанию детей» (Всесоюзное Общество распространения политических и научных знаний. Московское городское отделение) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5).

Литература

Абакумов и др. 1974 — Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974.

Волков 1997 — *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. Т. 2. № 4. 1997. С. 77–91. Цит. по электрон.версии: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_05.htm.

Гинзбург 2000 — *Гинзбург К*. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000.

Гинзбург 2004 — *Гинзбург К*. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // Новое литературное обозрение. № 65. 2004. С. 18–34.

Дессберг, Кен 2004 — *Дессберг Ф., Кен О. Н.* 1937–1938: Красная Армия в донесениях французских военных атташе // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 37–38.

Доценко 1958 — *Доценко В.,* председатель родительского комитета. Родительские комитеты // Техника — молодежи. 1958. № 8. С. 14–15.

Журин б. д. — *Журин Б. И*. Развитие бетонитового строительства. М.: Всекопромсоюз; Тип. изд-ва «Крестьянская газета», [б. д.].

Журин 1927 — *Журин Б. И*. Промышленное строительство из бетонитовых камней с железо-бетонным каркасом. М.: Учеб. тип., 1927.

Журин 1941a — *Журин Б.* Артиллерия в Станиславском прорыве 1917 г. (Статья 2-я) // Артиллерийский журнал. 1941. № 2. С. 57–69.

Журин 1941b — *Журин Б. И.* Взаимодействие артиллерии с другими родами войск в обороне // Боевая тревога. 1941. 2 октября. С. 3.

Журин 1943a — *Журин Б. И*. Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува. М.: Воен. издат. Наркомата обороны, 1943.

Журин 1943b — [*Журин Б. И. и др.*]. Указания и программа для боевых примеров действия артиллерии, помещаемых в отдельных книгах «Артиллерия в боевых примерах Отечественной войны». [М.], 1943.

Журин 1947 — [*Журин Б. И. и др.*]. Действия артиллерийских подразделений в Великой Отечественной войне. Боевые примеры. Сб. 2 / Под общ. ред. С. А. Краснопевцева. М.: Воениздат, 1947.

Журин 1945 — *Журин Б. И.* Родительские комитеты в домах // Коломенский рабочий. 1945. 2 октября.

Журин 1952 — *Журин Б. И.* Родительская общественность в помощь школе по коммунистическому воспитанию детей. М.: Учпедгиз, 1952.

Журин 1955 — *Журин Б.* Родительская общественность в помощь школе. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1955.

Журин 1960 — *Журин Б. И.* Педагогику творят массы [о задачах и структуре Педагогического общества] // Учительская газета. 1960. 5 янв.

Журин, Ростовцев 1958 — *Журин Б. И., Ростовцев М. В.* Артиллерийская разведка в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1958.

Журин и др. 1958 — *Журин Б. И. и др.* Больше откладывать нельзя [о необходимости организации «Общества родителей»] // Учительская газета. 1958. 13 декабря.

Из опыта работы 1958 — Из опыта работы родительских комитетов при домоуправлениях г. Хабаровска: Сб. ст. / Хабар. краев. ин-т усовершенствования учителей. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1958.

Крупская 1930 — *Крупская Н. К.* О бытовых вопросах. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Лебина 2015 — *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.

Левинсон 2015 — Алексей Левинсон: Общественного контракта в России не существует: [Интервью] // Gefter.ru. 2015. 27 мая: [Электрон. ресурс:] http://gefter.ru/archive/15289.

Ленин 1974 — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1974.

Майофис 2016 — *Майофис М. Л.* Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016 (в печати).

Макаренко 1937 — *Макаренко А. С.* Книга для родителей. М.: Гослитиздат, 1937.

Малинова 2012 — *Малинова О. Ю.* Общество, публика, общественность в России сер. XIX — начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / Под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле: В 2 т. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 428–463.

Медик 1994 — *Медик Х.* Микроистория / Пер. с нем. Т. И. Дудниковой // Thesis. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 193–202.

Накануне войны 1993 — Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (Кн. 1–2): Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993.

Новосельский 1950 — *Новосельский Г.* Друзья семьи и школы // Огонек. 1950. 18 июня. С. 12.

Обзор 1927 — Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934): В 9 т. Т. 5: 1927 год / Сост. Н. Быстрова, В. Земсков и др. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. С. 414–483.

Обращение 1936 — Обращение Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности // Общественница. 1936. № 1. С. 3.

От редакции 1936 — От редакции // Общественница. 1936. № 1. С. 5.

Постановление 1952 — Постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах» [1952] // Официальный информационный портал Раменского района / Архивное управление. http://www.ramenskoye.ru/?action=admarch&submenu=cite&id=14961.

С партией 1932 — С партией и рабочим классом против угрозы бонапартизма и контрреволюции // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. Март. № 27. Цит. по электрон. публикации: http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-27.shtml.

Сайкина 1964 — *Сайкина А.* Всюду — общественники // Красный Север (Вологда). 1964. 25 марта.

Сарычева 1941 — Воспитание детей в семье / Под ред. М. В. Сарычевой. М.: Учпедгиз; Научно-исслед. ин-т школ Наркомпроса РСФСР, 1941.

Сталин 1929 — *Сталин И. В.* Соревнование и трудовой подъем масс // Сталин И. В. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949.

Троцкий 1923 — *Троцкий Л.* Семья и обрядность // Правда. 1923. № 156.

Троцкий 1938 — *Троцкий Л.* Тоталитарные пораженцы // Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69.

Хархордин 2002 — *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний Сад, 2002.

Чуковский 1940 — *Чуковский К. И.* О книге для родителей и школьных учебниках // Учительская газета. 1940. 17 января.

Эфэс 1927 — *Эфэс А.* Красная армия и советская общественность // Возрождение (Париж). 1927. 9 мая. С. 2.

Buckley 1996 — *Buckley M.* The untold story of *Obshchestvennitsa* in the 1930s // Europe-Asia Studies. Vol. 48. No. 4. 1996. P. 569–586.

Crick, Tarvin 2012 — *Crick N., Tarvin D.* A pedagogy of freedom: John Dewey and experimental rural education // Inter-American Journal of Philosophy. Vol. 3. Issue 2. 2012. P. 68–84.

Glantz 1999 — *Glantz D. M.* Zhukov's greatest defeat. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 1999.

Hillig 1992 — *Hillig G.* Как А. С. Макаренко открыл семью: К истории создания и воздействия Книги для родителей, 1936–1939 гг. // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 33. № 1. 1992. Janvier–Mars. P. 83–105.

Medick 1994 — Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte / Hrsg. H. Medick. Frankfurt am Main: Fischer, 1994.

Morton, Saltmarsh 1997 — *Morton K., Saltmarsh J.* Addams, Day, and Dewey: The emergence of community service in American culture // Michigan Journal of Community Service Learning. 1997. No. 4. P. 137–150.

Savage 2002 — *Savage D. M.* John Dewey's liberalism: Individual, community and self-development. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 2002.

"In assistance to decisions of the high command": Birth of the "Thaw"-period community (obshchestvennost') from the spirit of 1939

Maiofis, Maria L.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, Institute of Social Sciences, RANEPA
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mmaiofis@yandex.ru

Abstract. This article is an attempt at a microhistorical study. Through analysis of documents from the personal archive of social activist, pedagogue and military expert Boris Ivanovitch Zhurin (1890–1964), the author demonstrates that the year 1939 turned to be very important in his career. It was precisely in 1939 that Zhurin changed his previous "modest" profession of an engineer-constructor specializing in concrete buildings for the profession of military expert and for the role of social activist and publicist. As a military expert, he spent the years 1939-1940 writing a monograph about the interaction of different combat arms, including artillery and air reconnaissance, during the Russian offensive in June, 1917. He was convinced that learning from this experience would be vital during the next war. As a social activist and publicist, Zhurin invented, described and promoted a new social institute which he called "parents' committees in multi-family dwellings," insisting that such committees would be the best instrument to control and improve family education. This second "know-how" was also based on the idea of interaction, since the parents' committees had to establish close relationships with district executive committees (*ispolkomy*), local Komsomol cells, school administration and school parents' committees, as well as the management offices of apartment buildings. Detailed study of Zhurin's archive and publications, combined with a reconstruction of the historical context of both 1939 and the "Thaw" years, lead the author to conclude that Zhurin saw Soviet society after the Great Terror as completely atomized, as demoralized by the low competence of the new army chiefs and state officials, and as lacking channels for transmitting knowledge and experience. During 1939, as well as during the subsequent years of his professional and social activity, Zhurin sought to rebuild and intensify "horizontal" social ties.

Keywords: 1939, Great Terror, community (obshchestvennost'), World War Two, Great Patriotic War, social control, state control, social interaction, parents' organizations in the USSR

References

Abakumov, A. A. et al. (eds.) (1974). *Narodnoe obrazovanie v SSSR: obshcheobrazovatel'naia shkola: Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR: general academic school: Collection of documents, 1917–1974]. Moscow: Pedagogika. (In Russian).

Buckley, M. (1948). The untold story of *Obshchestvennitsa* in the 1930s. *Europe-Asia Studies, 48*(4), 569–586.

Chukovskii, K. I. (1940, January 17). O knige dlia roditelei i shkol'nykh uchebnikakh [On the book for parents and school textbooks]. *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).

Crick, N., Tarvin, D. (2012). A pedagogy of freedom: John Dewey and experimental rural education. *Inter-American Journal of Philosophy, 3*(2), 68–84.

Dessberg, F., Ken, O. N. (2004). 1937–1938: Krasnaia Armiia v doneseniiakh frantsuzskikh voennykh attaché [1937–1938: Red Army in the reports of French military attachés]. *Voprosy istorii* [Problems of history]*, 2004*(10), 37–38. (In Russian).

Dotsenko, V. (1958). Roditel'skie komitety [Parents' committees]. *Tekhnika — molodezhi* [Techniques for the youth], *1958*(8), 14–15. (In Russian).

Efes, A. (1927, May 9). Krasnaia armiia i sovetskaia obshchestvennost' [The Red Army and the Soviet public]. *Vozrozhdenie* [Renaissance] (Paris), p. 2. (In Russian).

Ginzburg, K. (2000). *Syr i chervi: Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [The cheese and the worms: Picture of the cosmos of a sixteenth-century miller] (Transl. from: Ginzburg, C. (1976). *Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnai o del '500.* Torino: Giulio Einaudi editore). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Ginzburg, K. (2004). Shiroty, raby i Bibliia: opyt mikroistorii [Latitudes, slaves and the Bible: An experiment in micro-history]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]*, 65*, 18–34. (In Russian).

Glantz, D. M. (1999). *Zhukov's greatest defeat*. Lawrence: Univ. Press of Kansas.

Hillig, G. (1992). Kak A. S. Makarenko otkryl sem'iu: K istorii sozdaniia i vozdeistviia Knigi dlia roditelei, 1936–1939 gg. [How A. S. Makarenko discovered the family: On the history of creation and impact of the "Book for Parents". 1936–1939]. *Cahiers du monde russe et soviétique, 33*(1), 83–105. (In Russian).

Iz opyta raboty (1958) — *Iz opyta raboty roditel'skikh komitetov pri domoupravleniiakh g. Khabarovska* [From the working experience of the parents' committees at the house management offices in Khabarovsk]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).

Kharkhordin, O. (2002). *Oblichat' i litsemerit': Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and dissimulate: A genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg; Moscow: EUSPb; Letnii Sad. (In Russian).

Krupskaia, N. K. (1930). *O bytovykh voprosakh* [On the everyday issues]. Moscow; Leningrad: GIZ. (In Russian).

Lebina, N. B. (2015). *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destruktsiia bol'shogo stilia. Leningrad, 1950–1960-e gody* [Everyday life of the "space" and "maize" epoch: destruction of the "grand style"]. St. Petersburg: Kriga; Pobeda. (In Russian).

Lenin, V. I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collected works], Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Levinson, A. (2015, May 27) — Aleksei Levinson: Obshchestvennogo kontrakta v Rossii ne sushchestvuet [Alexei Levinson: There is no social contract in Russia]. *Gefter.ru*. Retrieved from http://gefter.ru/archive/15289. (In Russian).

Maiofis, M. L. (2016). Pansiony trudovykh rezervov: formirovanie sistemy shkol-internatov v 1954–1964 godakh [Boarding schools of labor resources: organization of the boarding-school system in the 1954–1964, USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review] (forthcoming). (In Russian).

Makarenko, A. S. (1937). *Kniga dlia roditelei* [Book for parents]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian).

Malinova, O. Iu. (2012). Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii ser. XIX — nachala XX veka: otrazhenie v poniatiiakh praktik publichnoi kommunikatsii i obshchestvennoi samodeiatel'nosti [Society, public and *obshchestvennost'* in Russia of the mid-19th –early century: Conceptual reflection in the practices of public communication and social self-initiative]. In D. Sdvizhkova, I. Shirle (eds.). *"Poniatiia o Rossii": k istoricheskoi semantike imperskogo perioda* ['Concepts of Russia': Toward a historical semantics of the Imperial period] (Vols. 1–2). Vol. 1, 428–463. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Medick, H. (ed.) (1994). *Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte*. Frankfurt am Main: Fischer. (In German).

Medik, Kh. (1994). Mikroistoriia [Mikrohistory] (Transl. by T. I. Dudnikova from: Medick, H. (ed.) (1994). *Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte*. Frankfurt am Main: Fischer). *Thesis, 2*(4), 193–202. (In Russian).

Morton, K., Saltmarsh, J. (1997). Addams, Day, and Dewey: The emergence of community service in American culture. *Michigan Journal of Community Service Learning*, *1997*(4), 137–150.

Nakanune voiny (1993) — *Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia* [Russian archive: The Great Patriotic War], *12* (1-2): Nakanune voiny. Materialy soveshchaniia vysshego rukovodiashchego sostava RKKA 23–31 dekabria 1940 g. [On the eve of the war. Materials from the meeting of the Red Army's High Command, December 23–31, 1940]. Moscow: TERRA. (In Russian).

Novosel'skii, G. (1950, June 18). Druz'ia sem'i i shkoly [Friends of the family and the school]. *Ogonek* (The little flame), p. 12. (In Russian).

Obrashchenie (1936) — Obrashchenie Vsesoiuznogo soveshchaniia zhen khoziaistvennikov i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov tiazheloi promyshlennosti [Address of the All-Union meeting of the women of economic managers, technical-engineering employees of the heavy industry]. *Obshchestvennitsa* [The female community activist], 1936(1), 3. (In Russian).

Obzor (1927) — Obzor politicheskogo sostoianiia SSSR za iiul' 1927 g. (po dannym Ob''edinennogo gosudarstvennogo politicheskogo upravleniia) [Review of the political situation in the USSR in July, 1927. According to data from the OGPU]. In N. Bystrova, V. Zemskov et al. (eds.). *"Sovershenno sekretno": Lubianka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934)* ["Top secret": Lubianka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] (Vols. 1–9). Vol. 5: 1927, 414–483. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).

Ot redaktsii (1936) — Ot redaktsii [Editorial note]. *Obshchestvennitsa* [The female community activist], *1936*(1), 5. (In Russian).

Postanovlenie (1952) — Postanovlenie "Ob uluchshenii distsipliny detei na ulitsakh i v obshchestvennykh mestakh" [Resolution "On improving the discipline of children in the streets and public places"]. *Official web-portal of Ramensky district.* Retrieved from http://www.ramenskoye.ru/?action=admarch&submenu=cite&id=14961.

S partiei (1932, March) — S partiei i rabochim klassom protiv ugrozy bonapartizma i kontrrevoliutsii [Together with the Party and the working class against the threat of Bonapartism and counter-revolution]. *Biulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [Bulletin of the opposition (of the Leninist Bolsheviks)], no. 27. Retrieved from http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-27.shtml. (In Russian).

Saikina, A. (1964, March 25). Vsiudu — obshchestvenniki [Social activists - everywhere]. *Krasnyi Sever* [Red North (newspaper, Vologda)]. (In Russian).

Sarycheva, M. V. (ed.) (1941). *Vospitanie detei v sem'e* [Children's upbringing in family]. Moscow: Uchpedgiz; Nauchno-issledovatel'skii institut shkol Narkomprosa RSFSR. (In Russian).

Savage, D. M. (2002). *John Dewey's liberalism: Individual, community and self-development*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press.

Stalin, I. V. (1929). Sorevnovanie i trudovoi pod"em mass [Competition and the working enthusiasm of masses]. In I. V. Stalin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collected works], Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Trotskii, L. (1923, July 14). Sem'ia i obriadnost' [Family and ceremonial rites]. *Pravda* [Truth (newspaper)]. (In Russian).

Trotskii, L. (1938, August-September). Totalitarnye porazhentsy [Totalitarian defeatists]. *Biulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [Bulletin of the opposition (of the Leninist Bolsheviks)], 60–61. (In Russian).

Volkov, V. (1997). Obshchestvennost': zabytaia praktika grazhdanskogo obshchestva [*Obschestvennost'*: The forgotten practice of civil society]. *Pro et Contra, 2*(4), 77–91. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1927). *Promyshlennoe stroitel'stvo iz betonitovykh kamnei s zhelezo-betonnym karkasom* [Industrial construction from concrete blocks with a ferroconcrete frame]. Moscow: Uchebnaia tipografiia. (In Russian).

Zhurin, B. (1941a). Artilleriia v Stanislavskom proryve 1917 g. (Stat'ia 2-ia) [Artillery in the Stanislav breakthrough, 1917. Part 2]. *Artilleriiskii zhurnal* [The artillery journal], *1941*(2), 57–69.

Zhurin, B. I. (1941, October 2). Vzaimodeistvie artillerii s drugimi rodami voisk v oborone [Interaction of artillery with other combat arms in defense]. *Boevaia trevoga* [Combat alarm (newspaper)], p. 3. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1943a). *Vzaimodeistvie artillerii s drugimi rodami voisk pri proryve ukreplennoi polosy 8-i russkoi armiei u Stanislavuva* [Interaction of artillery with other combat arms during the breakthrough of the fortified zone by the Russian 8th army at Stanislawów]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1945, October 2). Roditel'skie komitety v domakh [Parents' committees in the multiple dwellings]. *Kolomenskii rabochii* [The worker of Kolomna (newspaper)]. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1952). *Roditel'skaia obshchestvennost' v pomoshch' shkole po kommunisticheskomu vospitaniiu detei* [Parents' community in aid to the school with Communist education of children]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1955). *Roditel'skaia obshchestvennost' v pomoshch' shkole* [Parents' community in aid to the school], 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Zhurin, B. I. (1960, January 5). Pedagogiku tvoriat massy [Pedagogy is created by the masses] // *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).

Zhurin, B. I. [n. e.]. *Razvitie betonitovogo stroitel'stva* [Development of the concrete building industry]. Moscow: Vsekopromsoiuz; Tipografiia izdatel'stva "Krest'ianskaia gazeta". (In Russian).

Zhurin, B. I. et al. (1943b). *Ukazaniia i programma dlia boevykh primerov deistviia artillerii, pomeshchaemykh v otdel'nykh knigakh "Artilleriia v boevykh primerakh Otechestvennoi voiny"* [Instructions and program for combat examples of artillery fighting, included in issues of "Artillery in combat examples of the Patriotic War"]. [Moscow: n. p.]. (In Russian).

Zhurin, B. I. et al. (1947). *Deistviia artilleriiskikh podrazdelenii v Velikoi Otechestvennoi voine. Boevye primery. Sb. 2* [Artillery fighting in the Great Patriotic War. Combat examples. II] S. A. Krasnopevtsev (ed.). Moscow: Voenizdat. (In Russian).

Zhurin, B. I. et al. (1958, December 13). Bol'she otkladyvat' nel'zia [Impossible to postpone further]. *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).

Zhurin, B. I., Rostovtsev, M. V. (1958). *Artilleriiskaia razvedka v Velikoi Otechestvennoi voine* [Artillery reconnaissance during the Great Patriotic War]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).

Maiofis, M. L. (2016). "In assistance to decisions of the high command": Birth of the "Thaw"-period community (*obshchestvennost'*) from the spirit of 1939. *Shagi / Steps, 2*(1), 44–81